

18+

Ольга Медведева

Пустой
город

Ольга Медведева

Пустой город

«Издательские решения»

Медведева О.

Пустой город / О. Медведева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552906-0

Роман «Пустой город» больше похож на повесть, рассказывающую о сегодняшних украинцах. В нем изложены факты и реальная жизнь. С наступлением независимости, население Украины бежит в разные стороны с родной земли в поисках спокойной, безопасной жизни для своих семей. Не останавливают их трудности и обман. Они готовы отказаться от традиций, веры, предков, чтобы не возвращаться в ад. Никто не хочет назад в черную дыру Украины. Тяжело осознавать, что этот трудолюбивый народ никому не нужен.

ISBN 978-5-00-552906-0

© Медведева О.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	9
4	13
5	17
6	18
7	19
8	22
9	25
10	26
11	31
12	32
13	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пустой город

Ольга Медведева

Не доводите человека до безумия.

Он оттуда уже не вернется.

– Омар Хайям

Иллюстратор Сергей Плотник

© Ольга Медведева, 2021

© Сергей Плотник, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0055-2906-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Осень в столице обещала быть теплой. Как по заказу теплый и не продолжительный дождь, капал по выходным дням. И то, по ночам, пока жители спали. С утра можно было одеть, легкую куртку либо кофту. Что и делали жители, пока бежали на остановку, добираясь до работы. Большим минусом в столице был надземный транспорт. Автобусы маленькие, не удобные, не справляются даже днем с потоком пассажиров, а уж в час пик, – то это особая тема. Киевские автобусы, желали быть не только комфортнее, им бы размеры поменять. У большинства начинала болеть голова до того, как они попадали на свои рабочие места. Надо быть экстрималом, чтобы умудриться попасть в такой автобус. Пассажирских мест в автобусе – 15, а стоячих набивалось 50. Вот так он и ехал, нарушая все правила перевозки. Влезь в такой автобус на середине его пути, было нелегко. Люди стояли на одной ноге, дыша друг другу в затылок, а те, которые висли на подножке, то дышали ниже линии талии. И так до самой конечной остановки, до метро. А там начиналась своя песня. И только переступив порог родной работы, падая на свой рабочий стул, можно было вздохнуть с облегчением, тяжело дыша. Опускались руки, плечи, а в голове медленно переставали жужжать провода. Если тебе повезло, ты приехал на работу вовремя, то можно было на ходу выпить кофе. В противном случае – жди перерыва.

Выбежав с подъезда, девушка быстрым шагом шла на остановку. Теперь их стало двое. На остановке стоял молодой мужчина в строгом костюме. По всей видимости, он тоже работал в офисе, как и девушка. Увидев приближающийся автобус, он поднял руку, чтобы остановить его. Увы. Не повезло. Проехал мимо. Мужчина нервничал. Посмотрев на пришедшую девушку, проговорил: «Это уже второй проехал мимо». Теперь у девушки тоже начинала болеть голова: как добраться вовремя на работу. Достав телефон с сумки, она набрала номер и сообщила, что возможно опоздает. С третьей попытки он всё—таки остановил довольно полный автобус. Пропустив девушку вперед, они поместились на нижней ступеньке. Тупенька не была рассчитана на двух пассажиров, поэтому девушке пришлось носом уткнуться в пиджак временному соседу. Виногато подняв на него глаза, попросила извинение. Им повезло, до самого метро ни кто не выходил. Водитель периодически выкрикивал: «здесь выходят»? Не получив ответа, проезжал остановку. И так до самого метро. Наконец, на конечной остановке все вываливались с автобуса, каждый бурчал что-то свое. И так каждый божий день. Утром в одну сторону на одном дыхании, а вечером – в другую, но уже не с такими нервами.

Добравшись до работы, она влетела вовнутрь. Сослуживцы тоже только приехали и раскладывали папки с бумагами на столе. Все были недовольны транспортом, даже те, которые ездили только на метро.

– Сил нет. – Влетев в помещение, произнесла Алиса. – Каждый день одно и то же. Ни какого здоровья не хватит. Надо работу искать рядом с домом. Ежедневная экономия времени 4 часа. Меня сейчас мужик просто затолкал в автобус и сам непонятно как влез. Я всю дорогу дышала ему в воротник. И повернуться нельзя. Мы ехали вдвоем на одной ступеньки. Я даже ноги не могла поменять. А спиной к нам стояла бабенция 65 размера. Её пятая точка загораживала весь обзор. – Она подняла голову и посмотрела на двери. – А возле дверей уже очередь стоит. Чего людям не спится?

Сослуживцы добавили свои комментарии, а охранник открыл двери для приема посетителей. Рабочие часы побежали, отсчитывая секунды. Все посматривали на свои часы в ожидании перерыва. Алиса принимала клиентов, оформляла документы. Нетерпеливые клиенты лезли на голову уже сидящим клиентам за столом, задавали кучу вопросов, на которые не сразу ответишь, особенно, если вписывались в компьютер данные клиента. Создавался балаган. Клиенты говорили, чтобы вошедший занимал очередь, тот в свою очередь отвечал, что у него

только вопрос. В обеденный перерыв, охранник закрывал двери. Этот час можно было спокойно пообедать, выпить кофе и даже подышать воздухом около дверей офиса. Говорили в основном о работе. В офисе все были замужние, со своими проблемами. Алисе хватало своих, поэтому, когда начинали обсуждать свои семьи, то она выходила на улицу. На бульварной дорожке хватало людей. Она провожала их взглядом. Что-то ей нравилось, а от чего-то появлялась на лице улыбка. Часто её строгий костюм, не подходил на то, что видела на молодых девушках. Но все равно, в эти минуты она давала отдохнуть всему организму. А потом снова начинали толпиться посетители и снова с каждым надо разобрать его проблему. Вечером ехала на съемную квартиру. Выходила на остановку раньше. Посетив супермаркет, с пакетом продуктов, медленно шла к дому.

Золотая осень пролетела. Дни становились короче, чем хотелось бы. Опять меняли время с летнего на зимнее, что ещё больше укорачивало продолжительность дневного времени. После 16 часов вечера, наступала ночь. Было холодно и темно. После 18 часов, у многих заканчивался рабочий день. В потемках народ добирался до своих жилищ. В квартире ещё не включали отопление. Существовал график. Одним, по этому графику везло больше, их давно включили. Другим повезло меньше – они ждали.

Алиса, войдя в квартиру, снимала ботинки, надев тапочки, вносила их в свою комнату. Там же она снимала осеннее пальто. После душа, надевала спортивный костюм, теплые носки. После этой процедуры, можно было выпить чая с чем-нибудь. Чайник стоял у неё в комнате, поэтому её появление на кухне, было крайне редко. За окном на небе появлялись звезды. Чтобы рассмотреть их, Алиса выключала свет, поднимала глаза и через оконное стекло рассматривала их, держа в руках кружку с горячим чаем. Немного позже, брала телефон, чтобы позвонить вначале матери, потом мужу. И так коротала время в своем одиночестве. С наступлением выходных дней, обязательно выходила на улицу и гуляла. Казалось, на улице было теплее, чем в квартире.

Человек, живший от зарплаты до зарплаты, мало развлекал себя посиделками в кафе. Развлечением была работа. Дни для него все были похожи. Забывая о дате, дне, недели. Уже пробежала осень. Ты забыл, какие были дожди. Проходив всё в той же куртке или пальто зиму, продлил позднюю осень и не заметил наступление весны. Прожив так немного времени, в душе наступало равнодушие: вначале к числу, потом погоде, а через некоторое время к народу, среди которого вынужден существовать, позже – ко всему остальному.

2

Эта зима не похожа на прежние зимы, когда снега было почти по колени, а мороз рисовал на окнах картины. Температура днем опускалась ниже 25 градусов, не говоря уже о ночи. Все праздники, которые обычно ждут с надеждой на лучшее, к которым готовятся, прошли с пасмурной погодой. Старики не помнили такой теплой зимы, говорили, что ничего доброго с этого не будет. Март месяц выдался теплым, может, даже через-чур. На улицах было жарко. Синоптики предвещали скорые дожди. Люди быстро сняли с себя лишние одежды. Не было зимы, какая будет весна, ни кто не хотел предсказывать. Хотелось тепла. Вместо этого на земной шар упал очередной вирус. В общественных местах люди стали одевать маски. Все хотели защитить себя от напасти. Ещё не было слышно о тяжелых последствиях, но уже каждый день новости начинались с этой эпидемии.

3

На трамвайной остановке было пусто. Женщина вышла с Управления по работе с иностранными гражданами. Оглядевшись по сторонам, не знала куда идти. С семи часов утра выстояла очередь около здания, чтобы в 9 войти вовнутрь и взять талончик к инспектору. Потом столько же времени высидев под кабинетом, так и не получила ответа на свои вопросы. Эти молодые инспектора принимали только документы. На вопросы они не могли ответить, причем, ни на какие. В канцелярии сидела совсем молоденькая девушка, которая могла дать только бланк, где можно было написать вопрос. В этом Управлении в основном работали молодые люди. Может студенты, а может те, которые и вовсе не поступили учиться после школы. Оглядывая мимо проезжающий трамвай надо было сообразить куда идти. Затягивалось получение документа на временное проживание в Польше, а ей так хотелось забрать несовершеннолетнего сына, чтобы жить вместе. Постояв около дверей Управления, прошла на остановку и присела на лавку. Новых мыслей в голове не появилось. Откуда им появиться, если ни кто, ничего не может сказать убедительного. Надо набираться терпения. Совсем не хотелось ехать в родной край, на нищенское существование. Хотя и там можно было заработать на минимальное проживание. Почему-то здесь она себя чувствовала комфортно, точнее сказать – спокойно, только не хватало сына, очень скучала. Ещё немного посидев на остановке, пропустив несколько трамваев, поехала на квартиру, где снимала комнату. Сегодня у нее был выходной день. Она взяла его, чтобы с пользой дела провести его. Не получилось.

В трамвае у многих пассажиров на лице были одеты маски. Они были похожи на собак в наморднике. Отовсюду было слышно, что пришел вирус. Жители столицы смотрят и слушают новости, узнают страшные вести. Все ждали карантин, который похож на очередной грипп и продлится недолго.

Проехав несколько остановок, она вышла. Медленно перешла дорогу, на мосту спустилась, еще раз перешла дорогу и остановилась на остановке, дожидаясь своего автобуса. Не видя солнечного дня, наконец, доехала до своей остановки. Вспоминая, что у неё есть в холодильнике, всё же вошла в магазин за продуктами.

Войдя в квартиру, женщина наткнулась на соседку по комнате. Оксана тут же задала кучу вопросов, не давая опомниться. Тася вздыхая, смотрела на неё. Бросив сумку на кровать, следом за ней и сама присела. Наконец, произнесла: «Боже, как же всё надоело. Вот когда надо было родиться, чтобы не мучиться самой и детей не мучить»? Переведя глаза на Оксану, снова вздохнула. «Ничего не узнала. Пускали только в канцелярию. Дальше коридор перегородили. Показала СМС охраннику, а он меня всё равно не пустил. Сказал, чтобы ждала другую СМС. Пока сидела на остановке, пришла СМС. Все визиты к инспекторам перенесли, двери закрыты, ни кого не пускают. Карантин. Ещё ничего не объявили, а уже закрыто. Зря прокаталась. Долго настраивалась, быстро всё закончилось».

– У нас на работе польки поговаривали, что не сегодня, так завтра, всё закроют. Хорошо, если этот карантин продлится две недели. Только они говорят, что закроют надолго, он рассчитан на несколько этапов. Надо же придумать такое? Если работы не будет, придется ехать домой. Чего тут сидеть? – Опустив глаза и вздохнув пару раз, Оксана снова нарушила тишину. – Не понимаю, чего с обыкновенного гриппа, делать такую мировую проблему? Вот посмотришь, они теперь, даже если у тебя заболела пятка, будут писать, что это вирус. Я помню, как мы учились в школе. Каждую зиму нас заставляли шить марлевые повязки и носить их в школе. При малейшем заболевании, отправляли домой. В школе работал медицинский кабинет. – Она повела плечами, словно мороз проник за шиворот. – И надо же было всё это просрать. Теперь сиди в чужой стране, думай.

Тася сидела тихая, как мышь, была похожа на мраморную статую: ничего не шевелилось, воздухом не дышала, только ресницы хлопали на глазах.

– Не хочу домой. И потом: у тебя виза, а у меня документы в Управлении. Срок уже прошел 5 месяцев назад, а они не думают давать Карту. Потом, что-нибудь придумают и будет отказ.

Видя такое настроение Таисии, Оксана присела на свою кровать. И только качая головой, соглашалась с соседкой. Обе понимали, что в этой стране об них вытирали ноги, но их земляки всё же хватались за всякую возможность, как за соломинку, чтобы остаться дольше работать здесь и не выезжать. Видели и другое. Беженцы с Ближнего Востока всё чаще стали останавливаться в Польше, где было тихо, спокойно, а главное – они без нервов получить документы на временное проживание и пособие. Чаще, они не работали, а вот машины у них были дороже, чем у коренных поляков. Этими вопросами ни кто не заморачивал себе голову. Жителям с Украины во всех этих вопросах было трудно.

– Не понимаю только одного, если мы им тут не нужны, зачем выдавать нам визы? Сами не работают на таких зарплатах и нам толком не дают заработать. Всю черную работу делаем, а они смотрят на нас, как на врагов пролетариата. Зачем они принимают у нас документы, если не хотят давать нам Карты? Уже бы неофициально, повесили на канцелярии или на доске объявлений, информацию для нас, крупными буквами: Пошли вон. И мы бы пошли, нашли другое место. Может, там, нас принимали бы по-другому. А так, живешь надеждами. Я не хочу дальше ехать. Здесь удобно: сел вечером на автобус, а утром уже дома.

Оксана рассуждала, затрагивая болезную тему, а Таисия по-прежнему молчала. В своём возрасте Оксана помнила не только Союз, её дед служил, воевал, рассказывал много о войне, часто повторял слова Георгия Жукова: «Мы их освободили, и они нам этого никогда не простят». Да, современная Европа, как могла, так и помнила своё освобождение, разрушая памятники героям войны.

– Тась, может, надо ехать домой? У тебя же образование. Ты же не глупая.

– И кому я нужна со своим образованием, тем более, не глупая? Открой наши новости и просто послушай. Можно даже через слово. На работу берут идиотов, желательно, чтобы и писать не умели. Потом сюрприз будет. Хотя, если посмотреть на наших врачей, даже те, которые в возрасте, сейчас супер-сюрприз. Работать не хотят. Только в кошельки и заглядывают, а потом диагноз с потолка. – Она облизнула высохшие губы. – А я хочу здесь зацепиться. Хочу, чтобы сын рос в нормальной стране. Только нас сюда не пускают. Ищут повода выкинуть, а мы, как тараканы, всё равно находим лазейки и лезем.

В комнате наступила тишина. Не хотелось говорить то, о чем и так много говорится, которое уже надоело так, что всё стоит поперек горла. Понятно, приехавшие украинцы на работу, не посещали общественные мероприятия, не ходили в театры, билеты в которые, не всегда могли купить живущие в своей стране поляки, не ходили в музеи. Да и как идти в тот театр, если не понимаешь, о чем идет речь. Театры и дома – роскошь. Прочитаешь объявление, помотришь в карман, желание пропадает кормить приехавшую «звезду». На чужой земле – ты приехал работать. Многие вообще не понимают языка. Основная масса приезжих работали не с местным населением, а со своими приезжими украинцами. Поэтому особо развлекаться времени нет. Они работали. Работали по 12 часов и если им предлагали ещё 2—3 часа, они не отказывались, хотелось заработать. В свои выходные дни, если они были, не ходили в парк дышать воздухом. Организм просил пощады. Хотелось выспаться, постирать, убрать комнату и готовиться к предстоящей рабочей недели. Но, зато, за украинца платились налоги. Украинец, покупает билеты в транспорт, приходя в магазин, также оставлял там свои заработанные злотые и пополняет ими казну. Это тоже налоги. И ни кто ему за это не говорит спасибо.

Голова шла кругом от мыслей, а вместе с тем, неведомая тоска проникала глубоко вовнутрь. Таисия, сидевшая с опущенной головой, посмотрела на соседку, которая повернув

голову, смотрела в окно. От темных мыслей, предложила пойти выпить чая, поднять настроение.

Время приближалось к обеду. Напившись чая, обе женщины, вновь вошли в свою комнату. Оксана рассказывала за своих подруг по работе. Она работала по ночам. Приезжала с работы в 3 часа ночи, отдыхала, а весь день могла посветить себе. Второй работы не было. Был другой выход из положения: ездила убирать квартиру, но это было раз в две недели. Поэтому днем она готовила себе что-то поесть. Не спеша прогуливалась. В основном это было посещение ближайшего магазина, потом становилась около плиты, пока ни кого не было в квартире.

Таисия работала в небольшом супермаркете, выкладывала товар на полки. Работала в две смены. Уходила рано утром, работала не менее 10 часов. Либо ехала ближе к обеду и до самой ночи. Словом, работы хватало, как одной, так и другой. Познакомились они в этой комнате. Тася прожила в ней около четырех месяцев, когда одна украинка сменила другую.

В квартире было 3 комнаты. Одну – занимали ещё 2 женщины, они были с одного села, другую – занимали муж с женой. Что было в тех комнатах, соседи не ведали.

Эта комната не была просторной, но в ней было всё необходимое для жизни: две кровати, стоявшие около стенок, смотрящие друг на друга, небольшие тумбочки, стол, два стула, а при входе – шкаф. Окно было с пластика с толстыми стеклами, что было важно. Зимой ветер не проникал в квартиру, а летом не так были слышны крики детей с площадки.

Поговорив о насущных проблемах, о погоде, вспомнив дом, женщины решили ещё раз посетить кухню, пока она была свободна. Заварив себе кофе, почувствовали весь аромат, запах которого растекался по кухне, стали обсуждать, что будет готовить одна и вторая.

Ещё не было допито кофе, когда послышался звук открывания ключом входных дверей. То пришли две соседки. Шумно ввалились в квартиру, неразборчиво переговариваясь между собой. Обычно они приходили после 16 часов вечера, а после 18.00 ехали ещё на одну работу. Сейчас они вошли взволнованные, тархтели то одна, то другая, между разговором вздыхали, быстро скрылись в своей комнате, но через 2 минуты, пришли на кухню, немного успокоенные. Сидевшие на кухне женщины, ждали новостей. Оказалось, что соседки уже нашли машину, которая довезет их до границы. Хозяйке позвонили, пока ехали на квартиру. Особо сидеть, не было времени и они ушли собирать вещи.

Таисия с Оксаной переглянулись. Оксана взяла в руки свой бокал и допила кофе почти одним глотком. Уход соседей был из разряда оглушительных новостей. После некоторого молчания, Таисия покинула кухню. На столе в комнате лежала газета, которую ей сунули около метро. Открыв её, даже картинки расплывались перед глазами. На душе была тревога. Взяв телефон, набрала номер сына. Дома, пока было всё на месте, не было изменений. Сын ходил в школу, скучал по матери. Поговорив с сыном, решила прилечь на кровати. Обняв подушку, пробовала заснуть. Закрыв глаза и ни о чём, не хотелось думать. Надо успокоить нервную систему. Понимала только одно: деваться некуда, надо ждать. Сквозь дремоту, слышала, как Оксана тихо вошла в комнату. Через некоторое время в двери комнаты постучали и она встала. Соседки отдали ключи от квартиры, попрощались и вышли из неё. Оксана проводила их до лифта, постояв около них, пока не закроются двери лифта. В квартире снова наступила тишина. Оксана прошла в комнату и тоже прилегла на кровать. Хотелось отдохнуть перед работой.

Беду не пришлось долго ждать. Вечером в новостях объявили карантин, пока на неопределенное время. Была прочитана инструкция. В один день закрылись кафе, рестораны, учебные заведения, отменились гастролы артистов, закрыли театры, спортивные центры и другие развлечения. В галереях работали только супермаркеты, где теперь были ограничения клиентов. Работали продовольственные магазины, аптеки и транспорт. Транспорт работал, поэтому те, кто работали продавцами, неважно в магазине или аптеке, могли нормально добраться до работы. Ни кто представить не мог, что всё это задержится надолго. Закрылись стройки,

где работала основная масса приезжих с Украины мужчин. Первые дни ни кто не собирался ехать в обратный путь, домой. Поговаривали, что через неделю, другую всё откроется. Паники не было. Были внеочередные каникулы. Уверенных в себе людей было мало. Через неделю эти каникулы стали приедаться. Все сидели дома. Нельзя выходить в парк, сидеть на скамейках. Те, у которых были собаки, недолго гуляли с ними. Пробежав вокруг дома, скрывались в своих подъездах, потом в квартирах. Деньги стали тратиться быстрее, чем их зарабатывали. Надо было не только в магазине тратить заработанные деньги, надо платить за жилье. Этот пункт ни кто не отменял. Заработанные деньги уходили. Родственники звонили. Пока это были просто звонки из дома узнать обстановку. Дальше будет хуже.

Варшава уже не была той столицей, которую помнили украинцы, приехавшие 15 и более лет назад. Даже транспортная система не была прежней. Автобусы стали ходить не по расписанию, часто опаздывали. Те автобусы, которые и так должны ездить раз в полчаса, могли совсем не приехать. В транспорте уже давно слышалась родная речь, может, даже чаще, чем польский язык. Сюда ехали семьями, снимали квартиры или жили в хосталах. Были свои проблемы, но ни кто не хотел покидать работу, ехать в родной край «сосать лапу». Украинцы быстро адаптировались на этой земле. Мужики работали, как волы на стройках, женщины, в основном работали на уборках. Только теперь, кто более-менее понимал и разговаривал на польском языке, работали в магазинах. Да, теперь и тут не хватало работников. От неудачников поляков часто можно услышать привыкшее слово «понаехали», хотя на такую работу и за минимальную плату, сами они не шли работать ни в магазины, ни на уборки. Это было не главное. Главное было в том, что Законы, написавшиеся в прошлом столетии, а может раньше, не менялись. Теперь, когда можно сделать ксерокопию документа, заверить её у нотариуса или у инспектора, сидевшего за столом со своей печатью, почему-то требовали оригинал документов, который не имел срока хранения. Таким документов является свидетельство о рождении. Как можно забирать документ, подтверждающий твоё существование на этом свете? Его через 3 дня в том же Управлении, можно было не найти. Взамен выданные справки имели срок годности до трех месяцев. А что дальше? А дальше, если правильно прочитать эту справку, тебя не существовало. Ни в какой голове такое не укладывается. Но, собирался перечень документов, а потом выбрасывался за непригодностью. Их не возвращали. На смену одним властям, депутатам, приходили другие, среди них было много юристов, обещающих внести изменения в Законы. Только попав в нужное кресло, им уже было не до Законов И всё это уходило на задний план. Как говорится – без комментариев.

4

В коридорах было тихо. На этаже было несколько кабинетов. Они были большими, поэтому их было мало. В одном из них сидел Руководитель. Совсем недавно он занял его, успел уже наделать своих ошибок. Он не учился на чужих, своих хватало. Его знали, он не скрывал своего происхождения, ему поверили. Каждый, кто переступал порог этого кабинета, чувствовал себя Богом, которому всё дозволил народ. Перевоплощение народного избирателя происходило на глазах. Открывая двери большого кабинета, блестели глаза, в мыслях пронеслось: теперь я всё могу, я – Всемогущий. Перешагнув порог, этот всемогущий забывал о народе, оставленном на улицах и площадях родного края. Народишка в очередной раз хотел стабильности. И в этом не старом, не зачуханном Руководителе, видели «своего», казалось народного избранника. По мнению большинства, как раз он может привести страну к порядку, поднять ее на поверхность, на свет божий. С его приходом может, наконец, начнёт работать производство. Основная масса опять мечтала. Лишь небольшая часть людей махали рукой назад, вспоминая прежних руководителей. Вспоминали Ленина, который в свое время показывал рукой вперед, так теперь, эта основная половина народа, махали назад. Говорили много, быстро, не разборчиво, каждый на свой лад.

В кабинете сидел молодой мужчина сорока лет. На его столе, прямо по центру, лежал перекидной календарь, в черном стакане стояли, как солдаты, ручки и карандаши. Перед ним стояло кофе, в которое он уткнулся почти носом, чуть дальше – несколько листов бумаги. С утра его «достали» своими звонками высокопоставленные лица. Каждый требовал свой долг. Освободившись от звонков, выпив кофе, он ждал своего соратника. Нервы не давали покоя. Пройдясь по кабинету, по красным дорожкам, он подходил то к одному окну, то к другому. Смотрел на двор, в котором ни кого не было. Лил дождь. Его шума и капель не было слышно через толстые стекла. Нынешнему хозяину всё нравилось в этом кабинете. Даже шторы, пахнувшие пылью, его не пугали. Был один минус, о котором не хотелось думать. Он сам напоминал о себе. С этим минусом, чувства уверенности уходили. Чтобы поднять в себе дух, через минуту думал о прекрасном и снова хотелось жить, любить и ходить по этому кабинету. Снова звонил телефон в приемной. Он вздрогнул, перепугался. Секретарь ни с кем его не соединяла. Уже было легче. Было время подумать о будущем, не только о своем, о личном. Может, надо было подумать о судьбах людей. На людей пока времени не было. Кредиторы давили. Руководитель посмотрел на часы. Коллега, кабинет которого находился на этом же этаже в конце коридора, уже полчаса, как шел к нему. Он прилег в свое удобное, мягкое кресло, которое располагало скорее ко сну, чем к работе и стал ёрзать на нем. На ум, как ни странно, ничего не приходило. Были только воспоминания с детства, потом прекрасные студенческие годы. Везде он был лидер. Не все смотрели на него, но большинству он нравился своим не посредством, умением рассмешить. Всегда улыбался. Дома ему тоже говорили, чтобы он прятался за улыбкой, потом будет легче жить. С хорошим настроением всегда легче обманывать, а с приятным лицом – вдвойне. Вспомнилась красная дорожка, которая привела его в зал заседаний, где он дал клятву на верность народу, потом в этот кабинет. Он открыл глаза. Над головой пролетела фраза: «Кто придумал эту клятву? Какой народ»? Прошло ещё полчаса, а коллега не шел. «Чего он не идет»? – Сползая с кресла, вымолвил хозяин кабинета. Почти на цыпочках, подкрался к дверям. Тихо приоткрыл двери в приемную. Секретарь листала журнал, одновременно болтала по телефону. Выпрямив плечи и распахнув двери, решился выйти с кабинета. Со словами: «Я через 5 минут буду», – вышел в коридор. Он шел в конец коридора. В том кабинете его не ждали. Он широко открыл двери.

– Я жду тебя уже час. А ты просто сидишь?

– Шо ты кричишь? Ша спокойно поем, чай допью и приду. День только начался.

– Ты, что, издеваешься? Скоро обед. Ты знаешь, сколько звонков было у меня с утра? Меня же застрелят, если я не стану хотя бы частями отдавать долги.

– Дай спокойно позавтракать. Не понимаю, чего ты так переживаешь? Я вот всё утро думаю. – Облизывая пальцы, Коллега смотрел на взбешенного Руководителя. – Надо позвать Веню. Он умный, у него, таких, как он, целый взвод сидит, что-то придумает. Позвони ему с моего телефона.

Руководитель набрал номер телефона. На другом конце долго не поднимали трубку. Руководитель терпеливо ждал, слушая губки. Наконец, услышал знакомый голос. На другом конце не то спяну, не то ещё с чего-то, всё-таки подняли трубку.

– Вениамин, срочно ко мне. – Умоляющим голосом он прохрипел в трубку, и положил ее. – Хватит чай пить. – Приказал он. – Пошли. Будем думать.

Войдя в кабинет, Руководитель принял уже привычную позу: он упал в кресло. Была видна только его голова. Этот стол, кресло совсем были не по размеру для его комплекции. На столе лежал лист бумаги, на котором были в столбик нарисованы цветы, трава и одно большое дерево.

– Что это у тебя трава как после пожара? – Спросил Коллега.

– Какая трава? – Резко, нервно ответил руководитель. – Это зашифрованные фамилии. Каждый лепесток – долг в долларах, а тычинки – в евро.

Коллега стоял с глупым выражением лица, смотрел на дерево и подсчитывал, сколько там листьев и веток.

Время тянулось медленно. Руководитель считал секунды. Коллега, пройдясь по его кабинету, как по своей квартире, что-то говорил про погоду, потом перешел к размышлениям соседнего государства, с которыми было трудно общаться. Те, бессовестные, как их называл Руководитель, отказывались иметь с ними дело. Тем самым, они были виновны в растущих «деревьях», иными словами – долгах.

Вениамин быстро приехал. Не прошло и часа. Он спокойно вошел в кабинет, увидев перепуганное лицо руководителя, присел за стол: «Выкладывай».

Руководитель нервно ходил по кабинету, жаловался на кредиторов, которые не хотят ждать своих денег, а требуют их сейчас, сегодня, которые невозможно отдать, потому что в стране нет денег. Вернее деньги есть в казне, но на них уже положили лапу. Трогать их нельзя, потому как могут тронуть Руководителя. Были мысли продать Верховный Совет. Цена – за сколько? К сожалению, они постоянно устраивают драки, поэтому оптом их ни кто не купит. Был ещё небольшой запас земли, с которой не успели ещё вывезти чернозем. Вот об эту землю очень чесались руки. Как продать? Под какой шум надо принять закон, чтобы ни кто, ничего, не понял?

– Ну, так давай создадим эту панику. Вся Европа под вирусом. Надо организовать свой вирус. – Он сосредоточился и молчал, а Руководитель с Коллегой сидели и ждали, когда им напишут сценарий. – выступи, крикни на всю страну, чтобы наш народ повернулся домой. Со всей Европы наши полезут в свои дома. Обязательно принесут с собой вирус, доллары, евро и злотые. Вот тебе и повод под шумок принять закон. Переговори со своим предшественником. Он поможет своими голосами истребить народ и продать земли.

– А куда, потом, девать оставшийся народ? Сейчас этих букашек нет. Земли пустые, можно продать. Что будет, когда они вернуться?

– Пока примешь закон, пока он войдет в силу, народ, который вернется, плюс народ, который дома – вымрет, как мамонты. А если нет, то надо помочь. Кто у тебя министр здравоохранения? Пусть займется прямыми обязанностями.

– Ну, ты голова!!! Спасибо. Ты меня просто вытащил с долговой ямы. Ты только закрути всё так, чтобы ни кто не понял.

– Мы напишем. Через неделю будет готово. Ты только сам не читай. Твой заместитель хорошо читает. Трудно понять о чем? Он глотает окончания.

– Какая неделя? Меня ещё вчера на счетчик поставили.

– Раньше, чем через 2 дня не напишем. Всё. Обращайся. С тебя 10 штук.

Руководитель вытаращил свои глаза. Он и не думал платить за такую мелочь. Коллега, сидевший в конце стола, вытянул шею: «А в какой валюте?»

– В национальной, в долларах. – Спокойно уточнил Вениамин, удаляясь с кабинета.

В кабинете наступила тишина. Руководитель с Коллегой смотрели на двери, которые, только что закрылись. Прошло добрых 5 минут, пока в себя пришел Руководитель.

– Это же грабеж. – Развел Коллега руками, с сочувствием посмотрел на Руководителя. – Они совсем разбаловались в своем цеху.

– Да. И ничего с ними не сделаешь. Без них пока, никак. Кто законы будет писать? – Он нервничал. – Нет. Надо позвонить. Пусть поработают ночь.

– Так они оплату увеличат!!!

– Голова мне дороже.

Вениамин приехал в свой цех, к таким же «писателям», как он. Собрав своих мужиков и объяснив создавшуюся ситуацию, стали думать. Как ни странно, писать обращение руководителя к народу, оказалось легче, чем сценарии. Поэтому через полтора часа черновик был готов. Теперь другой вопрос возникал: когда отдать черновик? Если отдать сразу, могут потерять доверие, следующий раз, скажут – бездельники. Выкурив уже не по одной сигарете, кто-то предложил отдать сценарий, вспомнив всех чертей.

К вечеру Вениамин снова сидел в кабинете у Руководителя. Руководитель сосредоточенно читал отпечатанный текст, поднимая глаза на сослуживца.

– Ужесточить бы. – Наконец, произнес он.

– Я тебе ужесточу!! – Руки Вениамина лежали на столе. Сам внимательно смотрел на руководителя. – Если всё хорошо, значит, сегодня вечером сделай объявление. И перестань улыбаться. На твою физиономию и так все смотрят улыбаясь.

– Я не улыбаюсь. Она у меня такая от рождения.

Всю ночь Руководитель ходил по квартире. Он не переживал, он сильно нервничал. Этот Закон должен быть принят. Пора начинать продавать землю, пока другие её не продали. Иначе, его родственные души, такого же происхождения, не поймут. Очень боялся бабы в юбке, которая давно метила в кресло. Ей опять не повезло. Казалось, что лучше бы она ходила по кабинету с головной болью. Эта гонка с препятствиями за кресло, ни когда не закончится. Ни помогали, вначале выпитое вино, потом к нему прибавилось пару стопок водки. Уже хотелось увидеть восходящее солнце, посмотрев на часы, до него было далеко. Со спальни вышла жена. Она махнула рукой, сквозь сон произнесла, чтобы он успокоился и пошла дальше спать.

Весь народ, на всех каналах телевидения, вечером слушал обращение Руководителя. Он призывал, в связи с вирусом, обрушившейся на весь мир, возвратиться земляков домой, к своим семьям. Читая продолжение текста, обещал через несколько дней закрыть границу с Польшей, основным пунктом, через который уходят земляки на заработки в Европу. Его лицо, смазанное оливковым маслом, так и блестело, а ему хотелось выглядеть серьезно. Он несколько раз обратился к своим согражданам с просьбой вернуться домой, вместе пережить эту беду.

Если бы по телевидению соседней страны не говорили об этой эпидемии, то народ воспринял обращение Руководителя, как очередной концерт. Свои новости теперь, практически ни кто не смотрел. На них поставили ценник, за который надо платить. Зато можно было смотреть такие же новости соседей с двух сторон. Граждане, которые быстрее смогли сообразить речь своего Руководителя, бегом взяли за телефоны. Они звонили своим родственникам, которые работали по всей Европе, перепугано пересказывали объявление, а в конце было завет-

ное слово «возвращайся». В стране начиналась паника. Люди понимали, что если в ближайшее время не приедут домой родные, то они могут их совсем не увидеть или это произойдет не так скоро, как планировалось. Хуже было и то, что перестал работать транспорт. Неважно какой. Весь транспорт – встал в гараж. Всё шло по задуманному сценарию: закрылись предприятия, школы, рестораны, кафе. Закрылось всё, чтобы люди могли сидеть дома и тихо вымирать. Разрешение на работу получили магазины, аптеки и медицинские учреждения.

Вот теперь паника началась и среди украинцев, которые работали не только в соседней Польше, она распространилась по всей Европе. Чтобы не остаться совсем без денег, украинцы рванулись в родной край к семьям. Больше всех пострадали пограничники Польши. Они работали по жесткому графику. Казалось, через их границы украинцы ехали домой не только с Европы, но и с Америки. Такой был наплыв людей. Сами люди стояли на границе по 10 – 15 часов. Кому, как повезет.

Очень скоро во всех сетях появилась речь заместителя Руководителя. Он много говорил, депутаты не очень понимали его. Основная масса, сидевшая в зале, играли или разговаривали по телефону. Они тоже были заняты своими делами – развлекались. К тому же, пока вывозили своих граждан с Европы, можно было этим транспортом улететь туда, спокойно переждать бред. Уже у многих однопартийцев, которые недавно стали ими, «вдруг», откуда не возьмись, появились свои дома за границей. Они оторвались от своих смартфонов только, когда вышла опять надоедающая «Баба в юбке». Ее опять что-то не устраивало. Говорила про народ, после и вовсе стала кричать. Пришлось слушать ее через слово, показывая, рядом сидевшим коллегам, фото своих маленьких заповедников. Они радовали душу. «Баба», наконец, ушла от микрофона. Дело не двигалось. Тогда на сцену вышел сам Руководитель и слезно просил проголосовать. За что голосовать? Кто-то, из любопытства, стал листать повестку дня. Одни – листали, другие – голосовали. Оказалось, что голосов в зале не хватает. В конце концов, что такое – земля? Какая разница, что с ней будут делать после продажи? И предложение Руководителя снова поставили на голосование. Опять неудача: в зале зарегистрировалось меньше, чем надо. С третьей попытки, Закон был принят и голосов тоже хватило. Теперь, так переживавший Руководитель расправил плечи, с облегчением спустился с трибуны и вышел в коридор. Остальные предложения его мало интересовали. Нет, они его совсем не интересовали. В его голове, набитой соломой, появились другие мысли: «Сколько надо ждать, чтобы народ стал вымирать? Никчемные букашки много жрут и пьют водку. А водка, как известно, хороший стерилизатор. Кредиторы не будут ждать вечность. Максимум через 3 дня, может через 5, они начнут опять давить».

Пока он дошел до своего кабинета, голова снова становилось тяжелой от мыслей, про долги. Дело, которое требовали от него кредиторы, он сделал на 70%. Теперь надо ждать. Надежда появилась неожиданно. К нему заглянул руководитель национального банка.

Депутаты, эти слуги народа, недолго развлекались в зале заседания. Прошло ещё полчаса, они устали. Все оставшиеся вопросы, законы, перенесли на другое заседание. Уже трудно вспомнить кто, с какой партии, предложил сменить обстановку. Для разрядки, а также уравнивания нервной системы, все попрыгали в свои машины и практически, таким кортежем, проехали в элитный ресторан одного из тестев депутата, чтобы не только отдохнуть от напряженного дня, но и обмыть новый Закон о продаже земли. Подняв фужер, прозвучал первый тост, тут же перешли к решению, что земли на западе «ридной» Украины надо продавать дороже, а остальное, как получится.

5

Народ, которому устроили каникулы на неопределенное время, развлекал себя как мог. Те, которые жили от зарплаты до зарплаты, сели на воду. У них быстро вышли деньги. Ходить в магазин было не с чем. Обещанные цены, которые не должны расти вверх, стали скакать всё выше и выше. Теперь они считали копейки, чтобы купить хлеба, хотя бы для детей. Другие, жители, финансовое положение, которых боле менее стояло на ногах, пока прыгали, скакали, думая, что этот отпуск ненадолго. Мечтали продлить его. Они даже не знали, что эта мечта сбудется. Чтобы, как-то убить свое время, они выезжали со своих квартир подальше от города, снимали домики, чтобы дышать воздухом природы. Уезжали на море, под Одессу, где платили «местной» валютой – долларом. Рестораны, на дверях которых были таблички и надписью «закрыто», теперь работали практически круглосуточно. Жители побережья моря, поначалу испугались карантина, резко снизили цены. Увидев наплыв туристов, взвинтили их в два раза. Были и третьи граждане, которые приехали с заработков. Эти «Третьи», мягко говоря, отвыкли от цен, которые видели на продуктах. Их бросало в дрожь. Они не успевали менять в обменниках свои заработанные евро, злотые. Шок был после выхода из магазина. Деньги быстро заканчивались, а карантин продлевался. Многие уже кусали себе локти, что возвратились в родной дом, жалели об оставленной работе, на которой сейчас можно было заработать и содержать свои семьи. А в общем, народ ждал очередного кирпича на свою голову. В ежедневных новостях сообщалось количество зараженных от вируса. Уже были не только заразившиеся, были случаи со смертельным исходом. Умирили в основном либо пожилые жители, либо совсем молодые. Те, кто поминал, что это искусственно созданный вирус – молчали. Старшие люди помирили совсем не от него: у них был возраст и свои болячки. Раньше писали просто: сердечно-сосудистое заболевание. Теперь – вирус. Молодые люди умирали от того, что у них не было иммунитета. Они мало занимались физкультурой. В основном сидели около компьютеров, ели фастфуды. Но, население пугали, а население не боялось. Каждая семья думала о том, что ее это не заденет.

По просьбе Кабинета Министров, Украинские пограничники отчитались, что за последние 5 дней, после объявления о закрытии границы, на родину вернулись сотни украинцев. Отчет без уточнения цифр. Подергав плечами, министры решили продлить въезд земляков ещё на несколько дней. Конечно, из выехавших 20 миллионов, не вернулся даже один миллион. Было обидно. Возникали вопросы: где остальные?

6

Молодая женщина, Алиса, вышла с подъезда дома, где снимала временное жильё в Киеве. Она шла в магазин, который был недалеко расположен от этого дома. После объявления карантина, цены взлетели. К великому сожалению, нельзя было приказать желудку подождать, не просить есть, пока не закончится карантин. Поэтому она шла в этот ближайший супермаркет купить что-то по акции, а если повезет, то ещё купит куриное филе. Около магазина была очередь. В магазин пускали определенное количество людей. Пришлось встать в очередь, которая медленно продвигалась. Почти тут же, за ней, вплотную встала другая женщина. Алиса повернулась к ней: «Пожалуйста, соблюдайте дистанцию». Женщина только посмотрела на Алису. Чтобы не дискутировать, Алиса отошла на тротуар, на дистанцию в полтора метра, а женщина придвинулась к впереди стоящему мужчине. Через полчаса она вошла в магазин. У нее ещё была пустая корзина. Пока думала, что купить, подошел охранник и предупредил, что ее обслуживать на кассе не будут, так как она без маски. К сожалению маски уже были дефицит, либо стоили почти дневной прожиточный минимум. Кто-то, очередной депутат, делал деньги на этом дефиците, имея свои точки аптек. Выйдя с магазина, она смотрела по сторонам. Аптек было много, но в каждую надо было выстоять очередь, чтобы спросить, сколько стоит маска. Пройдя квартал, в одном из домов увидела надпись «Аптека». Подойдя к ней увидела. На дверях было объявление: «Без маски не входить». Вздохнув несколько раз, все же открыла двери. Не входя в помещение, спросила: «Извините, у вас маски продаются?»

– Входите. – Ответила женщина из-под стекла. – Вам сколько?

– Одну.

Возвращаться в магазин не было желания. Про себя подумала, что ничего с ней не будет, если сегодня просто выпьет чая или кофе. А поскольку она уже на улице, то решила прогуляться по тротуару около дома. Сегодня было солнечно, ещё было светло, поэтому она медленно прогуливалась сзади дома, где была лесная посадка. Она слушала природу, а мысли были заняты собой: как жить дальше? Через час вошла в маленький магазин, расположенный в ее доме на первом этаже, купила четвертинку хлеба и поднялась в квартиру.

7

Руководитель снова ходил по своей квартире. Он пил простую воду. Как ни странно, но мысли в его трезвой голове не появлялись. Днем его вызывали на «ковёр». Ему пришлось слушать кредиторов, аппетиты которых росли. К тому же они нашли того, на которого без усилий можно давить. Хотя слово «давить», оно не подходило для этой ситуации, было жесткое для него. Они, расслабляясь под фужер хорошего коньяка, ставили по стойке смирно клоуна и диктовали свою волю.

Часы показывали ровно 7 утра. Руководитель взял мобильный телефон и позвонил. Без всякого приветствия, предисловия, он просил срочно приехать к нему домой. Заглянув в спальню, позавидовал жене, которая сладко спала, не о чем не думая. Она вообще не думала все эти почти 20 лет, что была за ним замужем. Она поставила на него, как на шахматную фигуру, сделала правильный ход. Теперь она вечная королева, а он вечный клоун.

Через полчаса зазвенел его телефон. Он быстро схватил его и услышал: «открывай». Ворота открылись, во двор въехала машина и остановилась у самого входа в дом. Гость вышел из машины и сделал озабоченное лицо. Присев на диване в гостиной, Руководитель быстро стал излагать требование высшего руководства. Он говорил тихо, оборачивался, глаза бегали по всей гостиной. Вениамин, смотрел на него. Не отводя взгляда, вслушивался в каждое слово. Положение было больше, чем серьезное. Наконец, наступило молчание. Гость встал с кресла и прошелся до стола, на котором стоял кувшин с водой. Руководитель смотрел на него снизу вверх. Рост гостя был выше среднего. Присев на то же место гость, приподняв немного бровь, вздохнул несколько раз, после чего посмотрел на перепуганного Руководителя.

– Чего ты боишься?

– Бунта. – Коротко ответил Руководитель.

– Какой бунт? Твой народ, как козел отпущения. Их трудно поднять. Стадо баранов. Слишком тяжелые жопы. Они дальше своего пальца ничего не видят.

Руководитель не дал ему дальше продолжить свои мысли, он коротко сказал: «Веня, помоги. Хочешь, я встану перед тобой на колени. Только помоги. Я всю ночь сегодня читал законы, распоряжения, постановления Вовки. Ничего не понял».

– Вовка! Это хорошая идея. Как я сам не подумал. Не переживай. К обеду у тебя будет сценарий.

Он встал и погруженный в свои мысли, быстро стал удаляться. На ходу он достал с кармана телефон и уже назначал встречу. Он ехал в офис.

Руководитель, оставшись один на один со своими мыслями, думал о кредиторах. Его долги не уменьшались, они росли, как грибы в лесу. В его работе было больше ошибок, чем правильных решений. Его долбили со всех сторон. Приходя домой, ему тоже не было покоя. Жена Вера, в которую так верил, уже не казалась той девушкой, на которую он возлагал семейные надежды. Теперь она хотела наряды за миллионы, ей мало было одного дома за границей, который оформили на подставное лицо. Теперь ей хотелось иметь земли на Луне или на Марсе. Ее мозг, имеющий прямые линии, перестал функционировать.

В офисе его уже ждали трое. Мужики ждали бурю, они были под напряжением. Открыв окно, курили. Было предложение выпить, но оно отошло на позднее время. Шутить тоже не хотелось, было раннее утро, хотелось ещё поваляться в постели.

Войдя в офис, Вениамин стал говорить от самого порога. Он излагал кратко, но понятно. Его речь была больше в пространство. Сам он тоже был под тяжестью, ни на кого не смотрел. Закончив мысли Руководителя, предложил мысли руководителей соседней страны взять за основу. Наступило молчание. Трое мужиков-сослуживцев смотрели на него.

– Он с ума сошел? Это же не законно. У нас демократическое государство, в котором и так ничего не работает. Люди бегут потому, что хотят кушать. Он подумал о том, что скажут, к примеру, те же поляки? Веня, ты сам на что подписался?

– Гагик, какая демократия? – Вениамин выругался. – Где они ее взяли? Ты не понимаешь, что на него давят. Надо, чтобы народ остался здесь. Деньги закончатся, они станут «есть» один другого. ОНИ, – он показал пальцем в потолок, – хотят избавиться от него.

– Нет, так не будет. – Отозвался самый спокойный писака Давид. Он говорил с армянским акцентом. У него лилась красивая речь. – 60 процентов те, которые вернулись, имеют карты временного проживания на территории Польши. У многих годовые визы. Они могут спокойно проходить через границу.

– Вот поэтому есть МЫ. И мы напишем сейчас Закон, по которому ни кто не покинет страну.

– Посольство Польши взбунтуется. Они наложат на всё свою лапу. – Давид подошел к окну и закрыл его. – Они живут с консульского сбора.

– Пусть живут. Пусть ставят свои визы. Надо написать так, чтобы не было вопросов. Наша таможня получит не официальное распоряжение. Выехать будет очень трудно. – Вениамин говорил убедительно. – Додик, мы ему обязаны, надо Его поддержать. Ты забыл, что всё, что мы имеем – это его заслуга. Это он встретился с Игорешей, это он просил его помощи. Это Игорь закрывал нашу задницу. Это он помог нам купить акции предприятий и всего остального.

– А ты забыл, сколько мы этому Игореше и остальным, отстегивали каждый месяц? Зачем он пошел в Руководители? Ты помнишь, как мы его уговаривали спокойно жить. Нет, ему надо было выставить напоказ свою задницу, а то мало ее кто видел. Он стал слушать Игорешу, жену, которой преподнесли дорогой подарок. Она вроде с луны свалилась, не видела золотого кольца, проданась, как дешевая ... – Он вздохнул. – А теперь мы должны, чуть не каждый день сочинять законы, которые диктуют ему кредиторы. Пусть жена ему пишет. Ты понимаешь, что будет, если люди начнут бастовать на границе? А ты знаешь, что наши пограничники, за хорошую плату, пропускают тех, кто и так должен пройти, на законном основании. Кстати, они с нами не делятся. – Он снова посмотрел на Вениамина и, тот всё понял. – Между прочем, поляки ждут наших на работу. Там не кому работать. На полях помидорам всё равно: есть эпидемия или нет. Поляки побежали за евро. Они не хотят свои стабильные злотые.

– Бунтарей – в тюрьму. На границу загонят милицию. Пусть отработывают свои зарплаты.

– Конечно, они будут её отработывать, только в карман своих руководителей. – Он тоже посмотрел на потолок. – И, конечно, немножко себе оставлять. Семейный бюджет рядового милиционера выше бюджета грамотного инженера.

Наступило молчание. Каждый понимал, что это не последний «Закон», который им придется писать против народа. Николай или просто Коля, не произнес ни слова. Он слушал, курил, потягивая с пачки одну за другой сигареты. В отличие от других членов этой группы, он был по происхождению – украинец, работал с первого дня с Руководителем. Знал его со студенческих времен. Правда, родного языка не знал, так как учился в русской школе, дома разговаривали все на русском языке. Его отец работал на заводе мастером, потом его, как и остальных выкинули за забор в первых рядах. Мать работала в школе в библиотеке, еле дали доработать до пенсии. В общем, он знал жизнь простого народа. Откуда взялся Веня, не было секретом, а вот два остальных – загадка. Из всех, сидящих в кабинете, он думал о том, что с Руководителем ничего не будет, так же, как и с его предшественниками. В этой стране наказан только народ. Верховная рада к народу не относится. Это представители другой расы: жадной и жестокой, идущей, как раз таки, против народа. Ещё 10 лет назад, у него появлялись мысли уйти с этого проекта, так же, как ушел его лучший друг. Для многих уход Гены был неожиданным. Ни кто не знал, почему он ушел от таких денег, которые стали зарабатывать на тот момент. Он ушел молча. Только руководитель знал истинную причину: делёж денег был несправедли-

вым. Геннадий нашел работу по специальности, зарплата меньше, работы много, зато не надо прыгать. Я тоже знал. За несколько дней до его ухода, мы вместе сидели в ресторане. Он сообщил новость, в надежде, что уйду с ним. Поддержу его. Гена не стал молчать. Работали все, а львиную долю, после распределения долгов, забирал Руководитель. Ни кто не знал, сколько заплатил Руководитель за молчание. Скорее, гордость игрока не взяла взятку. Гена оказался самым порядочным из нас. Он отработал вечер, низко поклонился всем и ушел, пожелав удачи. В тот вечер ни кто не придавал значения его поклону. Только на следующий день он не пришел на репетицию. На его месте стоял другой и уже знал сценарий. Я тоже хотел уйти. Меня остановила жена, потом, через несколько дней приехали мои родители. Я не мог их бросить на произвол, на ту пенсию, которой не хватает на существование. Я не поддержал Гену, оказался трусом, не смог уйти от бешенных денег, к которым привыкла моя семья. Потом ещё были попытки. Я хотел встретиться с Геной. Он отказывался не только встречаться, он не хотел разговаривать по телефону. Он оттолкнулся от нас, от всех. Теперь он счастливый и свободный, а я, как был зависимый, так им и остался. Сейчас опять надо сочинить ересь для людей.

– Коля, может, скажешь свое мнение. – Надежды Вениамина были на него. – Ты дольше всех знаешь нашего Руководителя. Приехал с ним сюда. Чего ты молчишь?

Николай не поднимал глаз. Он смотрел на конец стола. Ощущение тошноты, напряжения, наваливались на него. Хотелось встать и хлопнуть за собой дверью. Но, его жена с детьми, сейчас отдыхали в Европе, в собственном доме, оплата которого стоила далеко не в гривнах. Передернув несколько раз плечами, без всяких эмоций, произнес: «Ничего не надо писать. Ему надо выступить и произнести эту речь. Объявить народу, чтобы не дергались с места. Пусть сидят. А чтобы не бунтовали, надо придумать такое, чтобы дома сидели, боялись в магазин ходить. В городе транспорт не ходит, а на дорогах пробки, еле доехал. – Он сделал короткую паузу. – Вот над этим надо подумать».

Уже через 5 минут в комнате не было напряженного состояния. Вениамин позвонил Руководителю, высказав мысли всех. Говорил, как всегда убедительно, чтобы тот не переспрашивал. Потом, продиктовал ему текст. Мужики обсуждали, куда лучше отправить свои семьи, да и самим надо отдыха. Потом разговор плавно перешел на обед, хотя время больше располагало к завтраку. Вспомнили, что они давно не обедали вместе. Не вспоминали давно минувшие дни. Уже обсуждалось меню и в какой ресторан лучше ехать.

8

Алиса поднялась в квартиру. В ней было тихо. Квартиранты сидели по своим комнатам. Отношения между соседями по комнатам было упрощенное: либо «здравствуй», либо «спокойной ночи», если вдруг встречались на кухне. Поэтому Алиса тихо прошла в свою комнату. Открыв шкаф, повесила пальто, на нижнюю полку поставила ботинки. Пройдя к окну, подумала, что надо поставить чайник, напиток чая. Кофе она уже несколько раз пила.

Алиса была замужем. Ей уже было 30, детей не было. На то были свои причины. Окончив университет, она, как и многие другие, у которых не было денег на взятки за табуретку, не смогла устроиться по специальности. Пришлось переквалифицироваться, какое-то время работала в банке. Банки тоже ушли на карантин. Даже, если откроют какое-то отделение, то всех туда не посадят работать. Вопрос был в том, чем доехать до работы? Её муж сейчас находился в соседней стране – в Польше. Она тоже какое-то время была с ним, потом устала слушать чужую, но уже понятную для нее речь. В этой стране она видела только недостатки. Хотя свою родную Украину тоже не редко критиковала. По сути, дома были только минусы, но это были родные минусы и она превращала их в плюсы. Причем говорила об этом достаточно убедительно. С объявлением карантина, ещё первые дни она ждала мужа. Теперь всё было под вопросом. Выехать с Польши тяжело, не хотелось отдавать заработанные деньги на своей границе. Можно сказать: не отходя от кассы.

Чтобы совсем не зачахнуть в квартире от карантина, она ежедневно выходила на улицу прогуляться. Около дома стояли детские качели, дети сутками толпились около них. Вокруг новостроек лежала плитка, ещё ни кем не разбитая. Алиса, гуляя между домов, рассматривала детские площадки, молодые деревья, сидела на скамейках. Часто уходила в лесопосадку, которая была за железнодорожным полотном, которую, пока, не вырубали. Там чаще гуляли с собаками. Были протоптаны тропинки. Мусора тоже хватало. Не каждый, кто приходил сюда отдыхать на выходные дни, пожарить шашлыки, убирала за собой мусор. Погода стояла теплая, сама манила на прогулки. Выходя на природу, Алиса не торопилась возвращаться в квартиру. Могла дышать воздухом не один час. Спокойно дыша воздухом, осматривала стволы деревьев, слушала, доносившиеся звуки птиц, смотрела на воробьев, скакавших по веткам, а под ногами лежали сухие листья, с прошлой осени. Казалось, что только их не коснулся вирус, который задержался в городах и не хотел уходить, ну, или его не хотели убирать. В этом маленьком лесу не хотелось думать о проблемах, о чем-то негативном, которое отравляет душу. Здесь мысли уходили сами собой, душа отдыхала. Вспоминалось хорошее, доброе. Перед глазами мелькали студенческие годы, праздники, ещё что-то, отчего на лице появлялась легкая улыбка. За этой улыбкой, возраст напоминал о себе. Часики не останавливались, они не уставая тикали. Так проходил час. Она уходила всё дальше от дома, потом также, той же тропинкой возвращалась обратно. Чем ближе она к нему подходила, тем быстрее менялись её мысли. Эта пучина затягивала. Ещё хуже было одиночество в этой квартире. Её знакомые, сотрудники, все были заняты своими семьями. Особо поговорить, чтобы отлегло от души, было не с кем. И она пила чай или кофе и смотрела в окно на детскую площадку, на посадку, а иногда, на составы товарных поездов, нарушавших тишину этого района.

Через несколько дней, словно по заказу или по приказу, на город обрушился густой туман с гарью. Нечем было дышать. Окна в квартире нельзя было приоткрыть. Горожане не могли объяснить: что это? Оказалось всё очень просто. Радиационный фон. Он густо накрыл город. Синоптики обещали, что это надолго. Вот так просто утешали. По непонятным причинам, не с того не с сего, загорелась Чернобыльская зона. Зона, которая под запретом – горела. Ядовитый газ окутал весь город с одной стороны. С другой стороны стали гореть леса, тоже

«случайно». Тушить лес было некому – все ушли на карантин. Пожарная служба не работала. С воздуха тоже некому было тушить. Вертолеты стояли без горючего. Горожанам было жалко не только лес, в заповедной зоне гибли животные. Те, граждане, у которых не совсем ещё пропились мозги, возмущались в своих квартирах, высказывая свои мнения друг другу. Через год правления, уже никому не казалось, что к власти добрался очередной пройдоха, вор своего народа. После, наступало молчание или переходили на другие темы, отходя от окон. Выйти на улицу было опасно. Вокруг домов появились милицейские машины. Люди с низким достатком выходили только в магазин купить хлеба. Большинство осуждало правительство, в частности, своего избранного президента. Уже не казалось, что он свой рубаха-парень. У тех, у кого остались хоть какие-то мозги, сразу говорили, что на его концерты ходят только богатые люди, в зале всегда есть свободные места, рядовой горожанин не может себе позволить такой отдых вечером. К сожалению, такой вывод делали немногие. Зато многие открыто говорили, что войны нет, а хлеба вдоволь не купишь. Идет истребление населения. Другая часть населения, достаток которых был благополучнее, садились в свои машины и бежали подальше от города. Подальше в область, где можно спокойно дышать сосновым бором, который ещё не успели вырубать, но успели выкупить. Или ещё дальше – к морю, в Одессу. Одесситы с начала карантина, взялись за голову, но очень скоро обрадовались ему. Цены на жилье, номера в гостиницах повысились почти в 2 раза. Теперь богатая часть населения Украины не скупилась, тратили деньги в надежде, что скоро сдерут эти суммы с населения, которое и так сидело на воде и хлебе.

Где был сам Руководитель, ни кто не знал. Он периодически показывался на экранах, выставлял себя в интернете. Он нес такую чепуху, от которой население страны бралось за голову. На днях он произнес речь, в которой запрещал выезжать на заработки. Люди, приехавшие в страну на период карантина, давно жалели, что преодолели барьер границы. Они вспоминали и подсчитывали, во сколько это им обошлось. Пока в карманах были золотые, составляли планы о пересечении границы. А там их ждали. Таможенная служба грабила свое население, как могла.

Крупные корпорации, предоставили отпуск сотрудникам, чтобы не платить обещанную помощь. Они понимали, что у сотрудников нет другого выхода. Предприятия меньшей величины, пока ещё думали, кого можно отправить в отпуск за свой счет, а потом уволить по собственному желанию, по желанию сотрудника. Кадры составляли списки. Скоро начнутся массовые увольнения. Увольнения и сокращения работников, ждали не только на предприятиях, для многих банков это тоже был выход из сложившегося положения. Среди руководителей уже летала фраза: одним больше, десятью меньше. Люди ни кому не нужны. Для малоимущих украинцев пришло страшное время. А карантин продевали дальше, частями. К двум неделям добавились ещё две. Нельзя людям говорить правду, мало ли что.. Конца края не было видно. Одиноким жителям хотелось выйти на площадь, покричать, докричаться до тех, кто выдумал эту эпидемию. Только ни кто не хотел поддерживать этих одиноких. Большинство пряталось под девизом: кто-то, но не я.

После объявленного продления открытия границы, оставшиеся украинцы, бежали с Европы домой. Опять толпы на границах. Многие пробовали перепрыгнуть барьер между границами. Как оказалось, без отметки польских пограничников они не могли легально пребывать дома. Им опять пришлось делать прыжки по ту сторону, стоять в очереди. Преодолев все преграды, оказавшись с паспортом в руках, теперь надо было добраться до дома. Транспорт не ездил, но пройдя от границы каких-то 500 метром, стояли частные такси и автобусы, они ждали своих пассажиров. Плата за проезд возросла в 10 раз. Такая мелочь не тревожила правительство. Чем и как будут добираться их граждане до своих мест проживания – это была проблема не глав государства. Люди, нагруженные своими рюкзаками, чемоданами почти бежали

к этим автобусам. Такую идиотскую ситуацию не помнил ни кто. Балаган на границе будет продолжаться долго. Поляки, выпустив основную массу украинцев, перестанут придерживаться обещанного Закона, что оставшиеся украинцы смогут спокойно покинуть страну после окончания карантина. Тем, у кого закончится виза в момент вируса, не будут ставить депортацию. Увы. Они будут действовать по своему закону: нарушил визовый режим – получай отметку.

9

В самой Польше наступила тишина. Транспорт ездил пустым, улицы стали тихими. Погода манила к прогулкам. Перепуганный народ сидел дома. В парках не было слышно птиц. Казалось, что у них тоже наступил карантин. Стройки опустели, не было видно рабочих, не слышно ни польской, ни украинской речи. Даже в магазинах теперь не было столько людей. Люди старались выходить редко. Если за продуктами то, так, чтобы их хватало на неделю. Владельцы маленьких магазинов, бутиков, теперь стояли под Управлением, сдавали заявление на компенсацию, которая обещалась в минимальном размере.

10

Оксана вечером поехала на работу. Соседки вместе поужинали, выпили чая. Пожелав сама себе удачи, вышла с квартиры. Таисия тоже стала готовиться на работу. Она вертелась ещё некоторое время на кухне, готовила себе завтрак на работу.

Не прошло часа, как открылись двери. В квартиру вошла её соседка и тут же объявила, что на работе карантин на неопределенное время.

– У всех ещё раз взяли номера телефонов и отправили нас домой. Начальство сами не знают, насколько это затянется. Ужас. Что я заработаю, если буду сидеть дома? Чем платить за квартиру. Пока ехала, в голове была только одна мысль: может, как наши соседи, тоже поехать домой. Визу жалко. Отвалила столько денег за неё. Уборка квартиры – тоже теперь под вопросом.

Оксана замолчала. Соседки смотрели друг на друга. Глубоко вздохнув, Тася проговорила.

– Давай чай выпьем. Я на завтрак бутерброды приготовила. Сыр остался, надо его доесть.

– У меня тоже лежат в сумке. Не понадобились. А чего так тихо в квартире? Где наши ещё одни постояльцы?

– Не знаю. Они ещё не приходили.

Постояльцы словно ждали, когда их вспомнят. Двери открылись и в квартиру вошли муж с женой. Озабоченные проблемами, открыли комнату и исчезли. В руках были пакеты и огромная сумка с продуктами. Через несколько минут оба пришли на кухню. Открыв холодильник, засунули пакет, не выкладывая из него ничего. Поздоровавшись с соседками, объявили, что завтра едут домой. Автоперевозчик довезет только до границы, а там, как Бог даст.

Соседки снова молчали. На душе становилось тревожно. Неопределенность завтрашнего дня не просто пугала. Это было что-то необъяснимое. Ещё месяц назад ни кто представить не мог, что останется без работы, без средств существования.

В природе ничего не менялось. Солнце всходило, за ним начинался день. День прибавлялся. Пока солнце светило – хотелось жить, планировать ту самую жизнь. Будильник звонил по указанному ему времени для тех, кому дозволили работать. Остальные могли спокойно спать. Им не надо торопились на свои предприятия. У них не запланированный отпуск.

Таисия встала в половине пятого утра. Собралась и тихо вышла с комнаты, прошла до холодильника за бутербродами. К назначенному времени, стояла на остановке в ожидании автобуса. На остановке было непривычно тихо. Она одна там стояла. «Где люди»? – Задала себе вопрос. Посмотрев на время, опустилось сердце в пятки. Автобус должен был приехать 3 минуты назад. Его не было. Сердце стало чаще биться. Посмотрев на расписание, оно не было заклеено. По идеи, должен быть. Наконец, он появился с опозданием на 5 минут. Подъехав к остановке, открыл двери. В автобусе было четыре пассажира. Сердце снова замерло. Что ждать, от сегодняшнего дня? Через 20 минут она вышла с него и пошла пешком до магазина. Ещё издали видела, что в магазине горел свет. Подойдя к служебным дверям, позвонила. Старший продавец открыла ей двери. Агнешка пила кофе. Тася переделась и пошла на своё привычное, рабочее место. В магазине не было больше ни кого. Почти следом за ней, пришла Агнешка.

– Где остальные?

– Сегодня транспорт плохо ходит. Наверное, опаздывают.

Агнешка сообщила о корона-вирусе, который упал на весь мир, попросила выкладывать товар только в рукавицах, часто мыть руки, как можно реже дотрагиваться до товара. Внимательно посмотрев на Тасю, поинтересовалась о ее планах ехать домой. Услышав, что она остается здесь, с облегчением вздохнула.

– Ты себе сделала запасы?

– Какие запасы?

– Непонятно, что будет дальше. Нас могут закрыть. Ты купи себе макарон, рису, всего остального. Вчера, вечером, разобрали всю туалетную бумагу. Сейчас откроется магазин, люди толпами повалят. Говорят в крупных магазинах, почти всё скупили.

– Ужас. Пойду, возьму с полки макароны, ещё посмотрю, что взять, пока ни кого нет. Агнеша, а мы будем работать?

– Пока, да. Руководство – молчит. Наверное, цены пойдут в гору. Кассир придет, ты отбей свой товар. После 9 часов, могут прийти новые цены.

– Хорошо. Спасибо.

Таисия ходила по магазину, сбрасывала себе в корзину крупы, каши, макароны. Видела, как привезли мясные продукты. Эльшбета приняла товар. Сразу отложила себе и Таисии мясо и куриное филе. Ещё не открылся магазин, а народ стал собираться около него. Тася рассчиталась за товар, пока ни кого не было. В 6.30 двери в магазин открылись. Первыми посетителями стали пенсионеры. Они не разбирались, что клали в корзины. Их руки гребли всё подряд, уже ни кого не интересовали цены. Многие постоянные посетители, рассказывали как в больших супермаркетах, толпы людей стояли перед кассами с большими тележками. Народ готовился к 3-й мировой войне. С полок уходили товары первой необходимости: соль, крупы, каши, мука, дрожжи. Запасались туалетной бумагой и мылом. Теперь очередь дошла до маленьких магазинов, где ещё можно было купить то, что в больших, уже не было. Тася со старшим продавцом не успевали выносить товар и расставлять его на полки. Товар уходил в тележки покупателей. Склад быстро пустел. К вечеру на полках остался товар, без которого каждый мог прожить. Сейчас было не до маслин, не до сухих помидор.

Отработав свои 10 часов, Таисия ехала на квартиру. Хотелось отдохнуть. Ноги гудели, руки были как камень от тяжелой работы. Она несла сетки с продуктами. Хотелось оставить половину на работе, вот только уверенности, что завтра она будет, не было. Поэтому надо сегодня всё принести. От остановки до подъезда, был добрый кусок дороги. Уже виднелся угол дома, сетки становились ещё тяжелее, ноги еле передвигались. Она шла около соседнего дома. Двери подъезда открылись. Вынеслась огромная собака, почти сбившая Тасю с ног. Тася вздрогнула и остановилась. Собака, отбежав несколько дальше, снова подбежала к пакетам Таиси.

– Заберите собаку. – Попросила Тася женщину, которая не торопилась выходить с подъезда.

– Она не кусается.

Собака стала рычать. Тася ещё больше напугалась.

– Собаку заберите. – Она смотрела то хозяйку, то на собаку.

Женщина стояла и молчала, помахивая поводком. Тася ещё раз попросила. Она не ожидала такого услышать.

– На Украине пусть собак убирают. Наши собаки не трогают своих.

Женщина развернулась и пошла по дорожке, собака тоже не задерживалась, отошла от Таиси и шла сзади хозяйки. Тася стояла, как вкопанная в землю. И так было тошно от всего, а тут ещё тебя на родину отправляют. Очнувшись от шока, тихо прошептала: «А ты ей что, зубы удалила. Не кусается».

Конечно, отношение поляков к животным, совсем не такое, как на Украине. Здесь в каждой квартире собака, а то и две. Животным отдают внимание, приучают детей к такому же обращению. Но, кто знает, что у собаки на уме? Это собака. По Закону, она должна выгуливаться в наморднике и на поводке, а не идти за пять метров от пьяного хозяина. За нарушение Закона предусмотрен штраф в круглую сумму злотых. За этим тоже ни кто не смотрит. Закон

нарушается на каждом шагу. Правда надо отдать должное полиции, их много катается на автомобилях и теперь они смотрят только за особами без масок.

В квартире было тихо. Теперь две комнаты были свободны. Жильцы не скоро появятся в них. Ванная комната тоже стала просторней. В ней исчезли личные принадлежности бывших соседей, а вместе с ними – запахи дезодорантов, зубных паст, стирального порошка. Теперь на дверных крючках висело только два полотенца.

В комнате дремала Оксана. Услышав, как отрылись входные двери, ждала соседку, не поднимаясь с кровати. Тася прошла на кухню с пакетами. Поставила их на стул, не разбирая. Без особого настроения открыла двери в комнату.

– Привет. Еле дотащила пакеты. У нас в магазине полки пустые. Раскупили даже дорогой макарон. Я тоже набралась. Кто знает, что завтра будет. Пока будем работать. Что у тебя нового?

– Хозяйка приходила, посмотрела комнаты. Я ей сказала, что у меня нет работы. Вроде, снизит немного оплату. Она смотрела новости. Сказала, что на границе народу больше обычного. Толпы. Люди стоят на ногах. Они сами добирались, без автобусов. Надо посмотреть новости.

– Откуда взяться автобусу. Их не пускают сюда. – Тася сидела на стуле, повернув голову к окну. – Что будешь делать? Хочешь, я поговорю с директором, может, возьмет на работу в магазин?

– Нет, не хочу. Нам сказали на работе, те, которые здесь остались, заплатят за то время, которое будем не работать. – Она немного помолчала, потом добавила. – Я звонила хозяйке на квартиру, она сказала, чтобы я не переживала. Буду ездить к ней 2 раза в неделю, убирать квартиру. То, хватало раза на две недели, а сейчас все дома, мусору прибавится. Её соседка тоже просила приезжать. Теперь наши уехали, оставшимся прибавилась работа. Ещё квартира намечается. С работы женщина тоже едет домой. У неё тоже была квартира для уборки. – Она поглядела на Тасю и глубоко вздохнула. – Должны выжить.

Наступило молчание. Каждая по-своему переживала. Наступило время, в котором не было уверенности ни в будущем, ни в настоящем. Каждый жил одной минутой. Что будет через полчаса, ни кто не знал. Ни кто не знал, где вершатся те самые судьбы, которые заставляют бросать родные, нажитые места и уезжать. Кому поклоняться, кому и во что верить – тоже ни кто не знал. Наступило время уничтожения людей.

Сейчас все молчали. Народ ежедневно получал информацию, что Он обязательно будет болеть этим вирусом, возможен и другой исход. И это страшно. Назывался возраст. Казалось, с прибавлением возраста все мы думаем о Всевышнем. Теперь, ты туда попадешь на полчаса раньше. Эта дурь проникала в серое вещество со сверхскоростью. Очень мало ученых вспоминали о гриппе, как об инфекции, которым болеет основная часть населения весной и осенью.

Оксана встала с кровати со словами, что надо поесть и выпить чая. «Карантин, вирус – это хорошо, только пойдем на кухню. Ты с работы, а я весь день лежу в раздумье. Вот, вот голова треснет. тоже ещё толком ничего не ела. – Проговорила она. – Сегодня домой звонила. Мне мой муж сказал, если буду ходить на уборки, чтобы здесь оставалась. – Она посмотрела на соседку. – Боится, что его кусок хлеба съем. Живет на моей копейке, а я здесь должна быть. Вот, где сволочь. В мужиках сейчас ничего от мужика не осталось. – Она снова посмотрела на соседку. – Чего ты мрачная? Работа – есть, ребенок – с матерью. Не переживай. Говорят это ненадолго».

От усталости у Таисии не шевелился язык. Опустив плечи, она сидела, ждала, когда разогреется кастрюля с борщом. Про себя благодарила всех богов, что есть работа. После ужина позвонит матери, узнает последние новости, расскажет о своих, поговорит с сыном. Наконец, собрав остаток сил, вымолвила.

– А чего ты здесь? Вроде возраст. Дома надо сидеть. У тебя же внуки.

– Мне мой мужик так надоел, что если бы черт предложил к нему пойти поработать, я бы согласилась не задумываясь. Веришь, хуже смерти надоел. Разводиться – поздно. Какая не есть, жизнь прожита. Хотя, ничего хорошего вспомнить нельзя. Поженились, немного пожили и он стал пить. То пиво, то самогон. Знаешь, как в селе. – Она вздохнула, слегка опустив глаза. Разговоры о муже давно не радовали душу. Душа не болела, внутри была обида на прожитую жизнь. Оксана говорила равнодушно, иногда грустно улыбалась. Время не повернешь, а с ним всё прошло. Оставшиеся воспоминания совсем не греющие душу. – У нас в селе бухгалтер был. От него ни кто слова грубого не слышал. Всегда приветливый, чистенько одет. Так он помер, сорока ещё не было. А этот сволочь живет, ни какая холера его не берет. Когда уже подохнет? Ни кому не нужен: ни мне, ни детям. – Оксана подняла глаза на соседку. – А ты давно уже здесь?

– Да. Скоро 5 лет. Я первый раз приехала, мне один мужик сделал приглашение. Работала далеко от Варшавы, на конфетной фабрике. – Она сосредоточилась, словно думала: продолжать дальше или нет. – Как город назывался? Помню за Вроцлавом. Впрочем, теперь уже не важно. Там руководство, как фашисты. Директор фабрики, женщина. Ну, прямо-таки гестапо. Когда она входила в цех, все ждали, кого сегодня казнят. Все эти бригадиры... Им только кнута не хватало в руках, чтобы нас по плечам бить. То ещё гестапо. Я не знаю, как выдержала этот фашизм. Понимала, что сына оставила с мамой, что надо работать. Я там работала почти 4 месяца. Приходила в общежитие и падала. Ничего не хотела. А потом приехала в Варшаву, хотела устроиться на работу. Опять пошла в то же самое бюро. Работы не было, уехала домой. А через день пришел мужик. И он с меня столько потребовал... – Она замолчала, закрыв глаза, слегка прикусила губы. – Пусть он будет здоров, а вот его внуки, пусть дохнут, как мухи.

Снова было больно. Свою горечь обе женщины запивали чаем и тихо вздыхали. Внутри не работало ни первое, ни шестое, ни десятое чувство. Не только душа, тело устало от напряжения, хотело отдыха.

Оксана была женщина в возрасте. Ещё не было пенсии, но она ждала тот день, который был не за горами, если опять не придумают что-то новое и не передвинут возраст. Был ещё один вариант – могли совсем отменить. Таисии было 30, приехала из областного города, который, как и большинство городов Украины, размерами был чуть больше села. Прожив без оформления брака, с молодым человеком, разбежались. На руках молодой женщины остался ребенок, без всякой поддержки его производителя. Он, папаша, не планировал заводить ребенка. Хотя, заводят собаку. Таких теперь много. Ни кто не хочет ответственности. Теперь всё проще: сошлись, разошлись. Европейский стандарт.

– Слышь, Тась, может тебе здесь мужика поискать?

– Где? Мне что на себя табличку надеть: «ищу мужика». Ты, думаешь, они здесь есть? Я ещё ни одного поляка не видела, чтобы выходя с транспорта, он своей девушке, женщине, протянул руку и помог выйти. Наушники одел, полный рот жвачки и вот этот мужик идет, отец будущих детей, мотня по колено. Противно смотреть. Они здесь вообще, атрофированные. Молодые, а уже ни какие. Хочу мужика, а не то, что ходит в штанах. У меня они тоже есть, может, я тоже мужик. И потом, – она помолчала, отвернув голову, – на меня сегодня собака бросилась с соседнего дома. А хозяйка сказала, чтобы я ехала домой и там просила убрать собаку. Оказывается у них собаки, поляков не кусают. Вот так они «любят». Это только в кино есть герои. Хотя, я не видела ни одного фильма путного за последние лет 15. Пока росла, ходила в школу, нас всё больше американскими боевиками пичкали или сериалами в миллион серий.

Вспомнив сериалы, Оксана стала посмеиваться, перечислять их. Говорила, как весь день ждали этой чепухи, чтобы обсудить очередную серию на следующий день с соседями.

Оксана всё реже вспоминала своих двух родных братьев, проживающих с семьями в России. Они, ещё при Союзе, были призваны в Армию, служили там. Там и остались, женились.

У них было по двое детей. Она их видела, когда ещё беспрепятственно, можно было ездить в гости. В подсознании, хотелось увидеть, услышать их. Семейные проблемы не давали покоя, было не до братьев. Проблемы тянули на дно быстрее, чем хотелось бы. Дети давно выросли, имеют свои семьи, но их уже Оксана не видела. Расстояние отдаляло родственные чувства, редко вспоминались братья, ещё реже их жены и дети. Ни кто не помнил, когда последний раз поздравляли друг друга с праздниками, днями рождения. А время пробежало после последней встречи, минуло 25 лет. В чужой стране, работая по ночам сама, теперь могла позволить вспомнить о близких.

Вспоминая близких, помнили о предстоящем празднике Пасхи, который приближался. Все говорили, что в этом году на службу в костел придет мало народу. Ни кто не хотел рисковать здоровьем. Во всех информационных сообщениях говорилось, чтобы люди не выходили из дома без особой нужды. Следом за католическим праздником приходил и православный. Русская церковь обычно в такие дни была переполнена народом. Сейчас все праздники были под большим вопросом.

Лежа, каждый на своей постели, Оксана снова заговорила. Эта тишина с нервами пополам разламывала голову.

– Тась, скоро праздник. Хочется посвятить пасочку, хотя бы купленную в магазине. Я уже набрала шелуху от лука, сварю в них яйца. Как ты думаешь, поляки пойдут в костел?

– Не знаю. Мы на эту тему не разговаривали на работе. Сейчас всех просят дома сидеть. Может, ни кто и не пойдет. Тем более, старших людей запугали этим вирусом. Чуть ли не все, после шестидесяти, завтра помрут. Наша церковь тоже, наверное, будет закрыта. Или будут пускать по 3 человека с расстоянием между ними 2 метра. Честно, я ни куда не хочу.

– А я хочу. Я после церкви, дышу свободнее. Понимаю, что наши батюшки грешат больше, чем весь люд людской. Грабят народ. Всё равно хочется сходить, постоять около иконы.

Наступило молчание. Было слышно, как по дороге пронесся транспорт с мигалкой. Скоро шум затих.

– Знаешь, – проговорила Тася, – я работала на другом магазине. У нас работала кассир Клементина, она была на год младше меня. Так вот. Я напросилась с ней в костел на праздник Пасхи. Купила корзинку, наложила в неё всё по чуть-чуть, что у нас полагается и приперлась. Стою, жду подругу. Идет. У неё в руках маленькое лукошко с одним яйцом. Всё. Другие тоже так пришли. Было много детей и тоже с такими лукошками. На фоне их лукошко, моя маленькая корзиночка выглядела огромной. Короче, я была, как баба с базара. Но, это ни что, по сравнению с тем, что я видела. С боку костела стояли ветки, палки, приготовленные для костра. Знаешь, как в вашем пионерском лагере. Выходит Ксёндз, зажигает спичку, знаешь, такую большую для костра и бросает её на эти палки. Палки, может, до этого облитые бензином, тут же разгораются. Пожалуйста, божий огонь готов. Я там чуть не упала. Это не было удивление. Это было что-то другое. Ну, а потом, всё, как у всех. Вынесли ведро, давай веником махать, святить лукошко. Я от этого шока, отошла в сторонку и ждала свою подругу. Уже, на обратном пути, когда вышли с автобуса, я её спросила: что это было? А она мне: ну, это же всё чисто символически. То есть, она дала мне понять, что они верят в бога, потому что так сказали. Но, для них, в общем-то – его нет. Вот тебе верующая страна. Поэтому я никуда не пойду: ни в свою церковь, ни в их костел. Вот тут в комнате подниму глаза к небу, помолюсь, поклонюсь. Вот и всё.

– Ужас. Всегда считала, что они набожные. На работе от полячек только и слышно, что была в костеле.

– В костеле. Они во дворе костела стоят курят и анекдоты рассказывают. А с языка только и слетает «курва». – Она вздохнула. – Это их проблемы.

11

Первая половина апреля выдалась теплым для Киева. Горожане порядком устали от вируса. Устали носить одноразовые маски месяцами. В сетях уже шутили, что все стали похожи на псов, только собаки, в отличие от людей, ходили по улице без намордников. В них ходили их хозяева. К концу апреля синоптики обещали дожди, только они ни как не приходили. Ветер, с Чернобыльской зоны гнал гарь, через которую невозможно было открыть окно. Город был, как в тумане. Через 2 недели полили дожди. Теперь они затапливали город.

12

Алиса стояла около окна и снимала видео. Дождь был с градом, с ветром. Дождь тарабанил по стеклам, подоконникам, ветер путал провода, гнул ветви деревьев, сносил с ног случайных прохожих, оказавшихся на улице. В квартире было не просто холодно, было сыро от низкой температуры. Постель на кровати была холодной. Алиса ходила по комнате в теплых носках, спортивном костюме. Как ей казалось, совсем не было жарко. Она периодически пила горячий чай и поглядывала в окно. Казалось, этому дождю, нет конца и края. Хотелось теплоты. Уже порядком устала сидеть в этой квартире. Хотелось выйти на природу, подышать, пусть не свежим, но всё-таки, воздухом. Изо дня в день, мимо проходили минуты, бежали часы. Ничего нового, интересного не происходило. Муж периодически звонил. Разговоры были не продолжительными. Теперь, когда все стройки закрыты, он работал на квартирах. Карантин – карантин, но жизнь продолжалась, люди покупали квартиры, делали ремонт и ждали лучшей погоды. После разговоров с мужем, пропадало настроение. Хотелось выехать. В Польшу ещё не пускали, но уже было послабление карантина, разрешили гулять в парках, открывали кафе. Хотелось выйти, прогуляться и выпить кофе. Ей не хотелось навсегда уезжать со своей земли. Обстановка заставляла. Не было того миллиона, чтобы заплатить и работать по специальности. Всё чаще по телевидению показывали на руководящих должностях молодых людей, родственников тех самых депутатов. Ничего не понимающие в делах, в работе, теперь они принимали решения. Этому ни когда не будет конца. Глянув снова в окно, она передернула плечами. «Когда же будет просвет? – Проговорила она. – Хочу тепла, уюта и тишины. Интересно, я многого хочу? Как выбрать что-то одно из этого списка?» Заглянув в интернет, прогноз погоды ничего солнечного пока не обещал. Она легла на кровать и свернулась в клубок, закрыв глаза. Хотелось домой. Конечно, после карантина, она обязательно поедет в село, проведует пустой дом, который тоже скучал по хозяйке.

В этом доме давно ни кого не было. Иногда мать Алисы приезжала с Польши, наводила порядок и уезжала обратно на работу. Алиса тоже приезжала, наводила порядок, разгоняла пауков по углам. В этом доме хозяева были похожи на монголо-татарское нашествие – появились и исчезли. Соседи не всегда успевали поздороваться с хозяевами, как дом снова стоял пустой. Двор зарастал травой, урожай с деревьев не всегда убирался, сыпался, как дождь с неба. Орешину обирали белки. Вот они чувствовали себя хозяевами. Бегали по саду, ни кто здесь их не трогал. В прежние времена, если хозяйка была дома, то за белками хотя бы кот бегал. Теперь и он был за границей.

Алиса почти заснула, когда зазвонил телефон. Это была её знакомая. Когда-то они работали вместе, теперь иногда, звонили друг другу. Татьяна поинтересовалась занятиями Алисы, сообщила, что на работу в банк заставляют ходить чуть ли не пешком. Ей пришлось взять отпуск за свой счет. Ни кому не было интересно, чем оплачивать коммунальные услуги, квартиру, покупать хлеб. Диктаторы жили своей обеспеченной жизнью, ни в чем себе не отказывая. Для них пришло то время, когда не надо отчитываться где, как и откуда появились деньги. Эта тема давно уже не затрагивалась простыми людьми. Поэтому поговорив несколько минут, приятельницы выключили телефоны. Ещё пролежав полчаса, Алиса сама набрала давнюю подругу.

– Привет. Давно не слышала тебя. Что у тебя нового, кроме карантина. – Алисе хотелось приподнять настроение себе. Она говорила в шуточной форме. – Ты дома или работаешь?

– Дома. В компании сейчас все работают дома. Руководство присылает задание, и мы трудимся.

– А чего домой не едешь, если можно работать онлайн?

– Зачем? Мне квартиру снимает мужчина. Жалко, что ты на другом конце города, а то бы приехала, посмотрела. Квартира очень удобно расположена, до метро буквально 5 минут.

– Ну, пока не пустят метро, приехать не получится. Я сижу в квартире, без работы. Вот смотрю в окно на погоду.

– А муж твой где?

– В Польше. Тоже не работает. Ходит частным образом делает ремонт в квартире. Там хотя бы метро ездит.

– Да. Тяжеловато тебе здесь одной.

– Да. Теперь пока не закончится этот вирус, буду сидеть. Надоело уже. Я, конечно, выхожу на улицу, гуляю. Но, всё равно, всё уже достало. То работы нормальной нет, то она меня находит, но платят копейки. А так всё хорошо.

Они созванивались редко, поэтому особо разговаривать было не о чем. Поговорив с бывшей подругой, Алиса снова подошла к окну и смотрела на гнувшиеся деревья. Ураган уже бушевал неделю, не давая покоя ни днем, ни ночью.

13

Неугомонное правительство снова собиралось, заседало. Все мысли были о приближающем лете. Перенести лето на декабрь месяц ни как нельзя. Надо было думать, что с ним делать. К несчастью, казна тоже пустела. Единственное решение – пустить туристов, ну и под этот шумок, выпустить своих, пусть гуляют. Того требовали турки. Посидев, вспомнив несколько анекдотов, поделившись впечатлениями, кто, где уже успел отдохнуть, депутаты решили, что своих граждан они отпустят в Турцию отдыхать. На время объявят свою страну зеленой зоной и пусть едут, отдыхают.

На Руководителя снова давил влиятельный круг. Они диктовали свои условия. С улыбкой на лице, говорили, что включают ему счетчик, да так, что зарплаты не хватит. Он нервничал, ходил по кабинету. Друг и коллега, сидевший на этом же этаже, мало чем мог помочь. Он был хорош только в ресторанах: поддерживал пьяный разговор, сам тоже мог развлекать коллег. Его ум ни чем не отличался от ума однопартийцев. Ни у кого не было опыта в работе. Впрочем, они этим не страдали. Теперь можно управлять народом не имея ума. От него не было толку. После очередного звонка одного из олигархов, Руководителю опять приходилось звонить.

Он часто моргал, брал телефон в руки и звонил. На другом конце телефон был выключен. Руководитель нервничал и через несколько минут снова тыкал пальцем в телефон.

– Веня, родной, приезжай. – Его голос содрогался.

– Говори, что надо. – Вениамин, прикрыв глаза, ждал. – Чего я буду ехать через весь почти город, слушать тебя 5 минут, потом ехать назад.

– По телефону не могу. Дело серьезное.

– Завтра приеду. Меня нет в городе.

– Ты меня режешь на куски. – У него опять была истерика.

– Собери свои куски. Утром буду.

Вениамин выключил телефон. Примерно он знал, что сейчас хочет Руководитель. Слухи быстро разлетаются. Завтра он хотел уже ехать домой со своей дачи. Теперь рассуждал иначе. Завтра он задержится здесь, выключит телефон, спокойно проживет день. Если Руководитель будет нервничать, значит, в нем всегда будет потребность. Он вышел на веранду, оглядел свой большой сад, потянулся и забыл о Руководителе.

Руководителю ничего не оставалось делать, как ждать завтрашнего дня. «Ничего. Ничего не случится за сутки». Уговаривал он себя. Пройдясь по красной дорожке в кабинете, он снова сел в свое кресло. Сейчас он вспомнил студенческие годы. Эти беззаботные годы, когда вроде при деле и в то же время ничего не делаешь, а тебе ещё всё время дают денег на карманные расходы. Перед глазами проплыли первые КВН, друзья, с которыми было не только понимание, работа в клубе. Их объединяло на много больше. Они собирались то у одних, то у других, записывали смешные шутки, потом выкладывали их. Через годы отношения поменялись. Теперь объединяла только работа. Первая трещина образовалась, после ухода Геннадия. Коллектив требовал пояснения. Руководитель разводил руками, ничего не объясняя. Он сильно и не уговаривал остаться его. Если бы Гена остался, то, наверное, ему пришлось бы уйти. Основной состав, почти не поменялся. Теперь, чтобы не отказываться от шальных денег, они вместе работали. Уже давно ни кто, ни к кому не ходил в гости. Каждый жил, купаясь в своем болоте. Ему, как никогда, нужна поддержка друзей. Только с возрастом они уплывают в дальнее плавание и не возвращаются оттуда. Сидя в кресле он вздыхал. Ждал завтрашнего дня.

Этот затянувшийся карантин, порядком надоел. С одной стороны: людям запрещено собираться кучками. Была тишина от демонстраций. Не болела голова у власти. Отдыхали работники полиции. В их обязанности входило смотреть, чтобы не было скопления людей,

чтобы на всех были маски. Если находились смелые, то этих смелых быстро приструнивали штрафами, размеры которых напоминали полет в космос. Люди в месяц не зарабатывали столько, сколько им выписывали. Поэтому с защитниками чиновников ни кто не спорил, не собирались, были послушными и в масках. Чиновники быстро освоили эту технику управления народом. Можно принимать решения о повышении налогов, всяких других поборов с тружеников. Хапнуть жирный кусок, который мозолил глаза, не боясь баррикад под стенами. С другой: управляющие крупных компаний, начинали подсчитывать свои убытки. Они грозили пальчиком. Мало кто из них улыбался. Надо было запускать транспорт и всё остальное. Искусственно созданный карантин – надоел всем, но против всего мира не пойдешь. Надо было терпеть. В Европе этот карантин не был таким жестким, там не останавливали транспорт. Просили, как можно реже находиться в общественных местах. Тут же – запретили всё. Кто-то спьяну ляпнул, другие, мало сообразившие, о чем идет речь – поддержали. Мол, потом будем разбираться.

Вениамин, как и обещал, приехал. Через двое суток. Пока шел от машины к воротам дачи, похожей на дворец, тошнота подступала по всему организму. Он понимал, что сейчас опять что-то надо будет выдумывать. Эти глупые вопросы не менее глупые предложения, были поперек горла. Он шел и успокаивал себя, что его визит ненадолго, через полчаса, а может раньше, если повезет, он покинет этот дом.

Руководитель ещё был дома. Он даже не успел сесть за стол завтракать. Он Веню ждал в своем кабинете. Тот же, без церемонно явился к нему домой и тоже сел за стол.

– Ну, что у тебя опять? – Тут же начал он. – Бросил всё и примчался. Жена огорчилась. Теперь 3 дня разговаривать не будет.

– Что? А ты не знаешь, что? Сезон отпусков начинается. Турция чихать хотела на все вирусы, открывает пляжи. Посол Турции сказал, если не будем принимать их самолеты, то нам дорого всё это обойдется.

– Ну, и, что. Ты та тут при чем?

– Как при чем? Ни народ пострадает, а мы будем страдать. Посол сам приезжал. Он такого наговорил... Короче, надо вылезать с карантина, а Европа – против. Мы – ни кто. Мы не можем выдвигать ультиматум. На нас все чихать хотели и давно.

– А Турция. Как они собираются открывать пляжи?

– Объявят себя зеленой зоной. Мол, нет у них вируса, тем более в воде.

Вениамин замолчал, он тщательно пережевывал пищу, поглядывал на собеседника, на лице промелькнула улыбка. Он молчал.

– Ты скажешь, что-нибудь? – Руководитель смотрел на Веню и ждал, когда тот закончит жевать.

– Что ты от меня хочешь? – Он посмотрел в упор на Руководителя. – Хочешь, чтобы я запретил карантин? Запрещаю. Ну, как, легче. – Он вздохнул. – Если Турция себя объявила в зеленой зоне, объяви ты Украину в той же зоне. Какие проблемы? Чего ты вечно панику создаешь? Я бросил дела, жену, лечу к тебе, а тут: овчина выделки не стоит.

– А Европа?

– Европа чихать на тебя хотела. Боишься Европу, сделай плавный переход: с начало желтая зона, потом зеленая, а когда время придет двигать всё назад, сделаешь опять оранжевую.

Допив кофе с бутербродом, на котором ложкой была наложена красная икра, гость встал и на ходу, попрощавшись с хозяином дома, удалился из него. Отъехав от ворот дачи, остановил машину. Не отпуская руль, он всем телом лег на него и смотрел вперед, в пространство. Он не очень любил чиновников. Через них покинул свою страну, потом забрал оттуда жену. Вот уже много лет он жил здесь, на Украине, по-прежнему считая, что народ бывшего Союза – един. Сам же давно устал писать сочинения про всех депутатов, президентов и всего остального.

В его сочинениях был один положительный момент – большие гонорары, свободное существование. Он не знал, куда сейчас ехать. Как ни странно, но его руки не хотели подниматься в руля, а тело, словно приросло к нему. Его мысли прервал телефон, лежавший на сиденье. Повернув голову, прочитал – «жена». Она звонила удостовериться, что её муж нормально доехал и, что он уже порешал важные вопросы. Теперь поедет в свой цех работать. Поговорив несколько минут с женой, он выключил телефон и сжал его в своем кулаке. Он знал, что не поедет в цех работать. Вообще ни кого не хотелось видеть. Теперь в голове не было ни мыслей, ни предложений, ни желаний. Подняв тело с руля, он включил телефон, набрал номер. На том конце быстро ответили. Вениамин предложил встретиться уже в знакомом ресторане, куда подъедет через полчаса.

Когда, после 11 часов утра, Вениамин вошел в ресторан, на двери которого висела табличка с подписью «закрито до 18.00», официант вежливо встретил его и проводил к столику, где его ждали. Приятель уже сделал заказ. Завтрак был по-армянски: мясо и много овощей.

– Здравствуй, дорогой. – Послышался вежливый и немного ласковый голос приятеля, который приподнялся, встречая гостя. – Что случилось? На тебе лица нет. Не хочу шутить. Как жена? Как дети? Они здоровы?

– Привет, Гагик. Семья здорова. Спасибо. – Вениамин присел за стол и попросил принести красного вина.

Гагик, зная, что Веня снова был у Руководителя, предложил перекусить, а уже потом приступить к делам насущным. Он всегда был в курсе всех дел, при этом ни когда не начинал разговор первым. Откуда у него была информация, ни кто не знал. Вениамин тоже не знал. Гагик казался простым, в чем-то даже душевным человеком, ни когда не кричал. Мог только взмахнуть руками для успокоения. Сейчас он внимательно рассматривал Веню, пока тот шел до столика. Его приятель был без настроения, к тому же залпом выпил почти весь фужер вина.

– Что случилось? Вино с самого утра – плохая примета. Не тяни, дорогой, говори.

– Мне наш солист, откровенно говоря, надоел. Он мне звонит по 15 раз в день. Я понимаю, что он не умеет править страной, нет опыта, навыков и всего остального. Но, сколько можно? Нет мозгов – отдай руль профессионалу. Я не знаю: кто на него давит больше, кто меньше. Только от него ни какой пользы. Пока только убытки. Казалось бы, в стране уже нечего разваливать. Но, он послушал старших товарищей, они подсказали. Разваливают дальше. Уже даже мне жалко этот народ. Ведь, в принципе, они же трудяги, привыкли пахать, как волю. Вон, подняли экономику Польши. Зачем же их топтать грязными сапогами.

В окружении Руководителя давно стали появляться новые лица, к тому же – послушные. Всем хотелось немного легкой жизни и больших денег. Те, с которыми он начинал работать, либо уходили молча, либо объясняли уход работой по специальности, или ещё лучше – возрастом.

– О чем ты говоришь? Надо думать только о своей семье. Я купил во Франции большой дом. Родители уже там. Скоро жену и детей отправлю. Всегда не будешь здесь. Заработай ещё денег, пока это можно и потом надо уезжать. Мы с тобой не депутаты, поэтому лови момент. Сейчас у тебя очень много денег, покупай недвижимость в Европе. Я давно на тебя смотрю, ещё 3 года назад думал, что ты уедешь на историческую Родину. А тебя, оказывается, беспокоит народ Украины, который ни кому в мире не нужен. Что тебя держит?

– Что? Не хочу учить язык. Ленивый я стал. Жена тоже не хочет учить. Мы оба владеем английским, этого хватает. Пока, для нас здесь есть работа. Работа, не требующая затраты сил. Там – придется быть скромнее.

– Значит, купи там, где будешь чувствовать себя хозяином. Жене будет хорошо. – Он посмотрел на собеседника и слегка улыбнулся. – Я всё знаю.

Да, Гагик знал, что в окрестностях Милана у Вениамина есть уже свой дом. Вениамин был из тех, кто неохотно говорил о таких покупках. О том, что творилось у него внутри, не знал

ни кто. Он умел молча переживать, но при этом улыбался. Наверное, жена тоже мало знала его, она просто доверяла ему и большей частью молчала, редко встречалась с женами по работе, по цеху мужа. Она работала на дому, давала частные уроки. Репетиторство.

Вениамин с любопытством посмотрел на приятеля и тоже улыбнулся. Вопрос о своем доме он закрыл. Тему не стал развивать глупыми вопросами: откуда и когда. Было неприятно. До сей минуты, он был уверен, что ни кто не знает о покупке дома в чужой стране.

– Если придется уезжать? Чем ты там будешь заниматься?

– Открою свое дело. Возьму на работу украинцев, буду платить копейки, а они мне будут за это благодарны. Кланяются же они полякам. Вот так и будут дальше продолжать. Какая разница, в какой стране. – Он отпил вина. Ждал вопросов, которых не последовало. – Веня, ты звонил Николаю?

– Да. Его нет здесь. Он уехал к семье. В дом приходит домработница, пауков разогнать по углам.

– Кто тебе сказал? – Гогик впился глазами в Вениамина. – Я думаю, что-то произошло. Коля не подходит к телефону, но он дома. Несколько дней назад я видел, как он курил на балконе. Мне кажется, он больше не хочет работать в нашем цехе. Если он это произнесет вслух, я осуждать не буду. Человек имеет право выбирать себе жизнь, где ему лучше. Я только одного не знаю: почему он так тихо, скромно ведет себя. Что произошло, когда меня ещё у вас не было? Разное говорят, только я хочу услышать правду от тебя.

– Понимаешь. – Веня опустил глаза и собирался с мыслями. – Он дружил с Геной. Я не знаю, что произошло. Мне кажется, что Коля должен был поддержать и уйти вместе с ним, но остался. Это мои предположения. Наш клоун тогда уже стал зажраться. Кто, что, кому сказал? До сих пор вопрос. Ни кто тогда не стал спрашивать, а потом не было смысла. После его ухода Николай резко изменился. Пару раз кричал, что уйдет. Потом успокаивался и продолжал работать.

За столом наступило молчание. Оба смотрели в свои тарелки, не поднимая глаз. Кажется, что мысли посещали их головы одни и те же. Они периодически поднимали головы и улыбались друг другу. Нужна была другая тема для разрядки.

Николай, действительно, был дома, но к телефону не подходил, много курил последнее время и пил водку в одиночестве. Он был сам. Домработница приходила 2 раза в неделю, чтобы убрать квартиру и приготовить ему еду на несколько дней. Его семья, после объявления карантина, сразу уехала в Европу. Это был билет в один конец. Без лишних вопросов, в конце осени, его жена стала распродавать не нужные вещи, освобождать квартиру, оставляя только самое необходимое. Ещё 8 лет назад, он купил приличный участок в маленьком испанском городе на границе между Испанией и Португалией. В течение 2-х лет на участке вырос красивый теремок, окруженный низкорослыми елями. Этот дом отличался от местных построек не только своим видом, но и оградой, забором. Внутри сидел змей, не давая покоя. Отбросив прошлое время, он думал о семье. Последние годы он готовил себя к переезду. Ни как не мог решиться. Слишком много держало на родной земле. Настал тот случай, когда можно уехать и не приехать больше. Подумывал сразу сдать украинский паспорт, чтобы не клеймить ни себя, ни детей, рождением в этой ничтожной стране, некогда процветающей при Союзе. Через несколько дней он получит свой последний гонорар за очередной сценарий «Как разорить пенсионный фонд» и ближайшим самолетом улетит в дом, где будет восстанавливать нервную систему, пытаясь не думать о народе, которого топчут и пришедшие и прошедшие Руководители. Николай четко понимал: ничего хорошего теперь точно не будет. Руководитель, как и его предшественник, будет низко кланяться Западу, надо – упадет на четыре лапы. Народ ещё не раз пожалеет, дав ему власть и волю. « Нашли, кому доверять. – Не раз повторял он. – Слепой народ не может быть богатым». И, действительно, в их клубе всегда были пустые места. Не каждый, мог приоб-

рести билет. К ним приходила только элита, депутаты, руководители партий. Обычный человек не мог попасть в клуб. Ни тот фасон с пустыми карманами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.